

О ПРОЕКТЕ АКТИВНОГО СЛОВАРЯ (АС) РУССКОГО ЯЗЫКА¹ ON A PROJECT OF A PRODUCTION DICTIONARY OF RUSSIAN

Апресян Ю.Д. (apr@iitp.ru)

Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН

Доклад посвящен проекту активного словаря русского языка, работа над которым ведется с 2006 г. в ИРЯ РАН. Словарь должен аккумулировать достижения европейской активной лексикографии и результаты современных исследований в области семантики (теория толкований и семантические правила), синтаксиса (валентные и невалентные свойства лексем), сочетаемости (теория лексических функций) и лексикализованной просодии.

1. Основные формулы пассивного и активного словарей

Основная формула пассивного словаря – много слов, минимальная информация о каждом слове, достаточная для его понимания в произвольном контексте. О слове *мнение*, например, достаточно сообщить, что это – оценочное суждение о чем-л., основанное на опыте, вкусах или умозаключениях субъекта. В контексте слово будет понятно.

Основная формула активного словаря – существенно меньше слов, но по возможности полная информация о каждом слове, необходимая для его правильного употребления в собственной речи говорящих. При таком подходе в фокусе внимания лексикографа чаще всего оказывается не вполне свободная сочетаемость слова. Она представляет наибольшие трудности и при усвоении родного языка, и при изучении иностранного языка. Для того же слова *мнение* в активном словаре следовало бы привести: 1) сочетания с прилагательными, например, *твердое <сложившееся> мнение, высокое <лестное, положительное> мнение, невысокое <низкое, нелестное, отрицательное> мнение, субъективное <предвзятое, спорное> мнение, объективное <непредвзятое> мнение, общественное <личное> мнение, общее <единое> мнение; 2) сочетания с существительными, например *столкновение <борьба> мнений, разноречивость <пестрота> мнений, смена мнений, центр изучения общественного мнения; 3) сочетания с глаголами, при которых *мнение* играет роль дополнения, например, *иметь мнение, быть какого-то мнения, держаться мнения, приходить к мнению, выразить свое мнение, оставаться при своем мнении, отказываться от мнения, отвергать <разделять> чье-л. мнение, менять мнения; 4) сочетания с глаголами, при которых *мнение* играет роль подлежащего, например, *Есть мнение (что Р), Мнение складывается <создается, укореняется>, Мнение изменяется, Мнения сталкиваются <расходятся, сходятся, совпадают>.*²***

Современная европейская, особенно английская лексикография располагает большим семейством активных словарей; из последних по времени назову Oxford 2003, Longman 2003, Macmillan 2002, содержащих до 40-50 тыс. слов. В нашей лексикографии такие словари представлены только экспериментальными изданиями типа Мельчук и Жолковский 1984 (около 300 словарных статей) и Денисов, Морковкин 1978 (около 2500 слов). Пришло время заполнить эту лакуну.

Я расскажу о проекте АС русского языка, работа над которым началась в ИРЯ РАН в 2006 г. Приступая к этому проекту, мы планируем не просто воспроизвести на русском материале тип активного словаря, сложившийся в европейской традиции, а радикально его модернизировать с опорой на современные лингвистические технологии и теории.

Ввиду ограниченности места я вынужден буду иллюстрировать свои тезисы выборочно – на единичных, но представительных примерах. Лейтмотивом всех примеров будет идея системного описания лексики, или идея

¹ Эта работа была поддержана грантом РГНФ № 06-04-00289а, грантом РФФИ № 05-06-80361, грантом Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» и грантом Президента РФ для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ, № НШ-5611.2006.6. Она построена на основе доклада, прочитанного 22.10.07 в Москве на Международной конференции «Русский язык в странах СНГ и Балтии», но материал ее существенно обновлен.

² Большая часть этих сочетаний содержится в словарной статье МНЕНИЕ (авторы – Ю.Д. Апресян, А.К. Жолковский, И.А. Мельчук); см. Мельчук и Жолковский 1984: 424-432.

(высоковероятных) предсказаний, которые можно делать на основании отдельных свойств лексем или их принадлежности к тем или иным семантическим классам и подклассам. Приводимый материал обладает еще одним общим свойством – все это факты, которые в существующих словарях либо вовсе не отражаются, либо представлены неполно.

2. Современные технологии

Здесь я имею в виду опору на корпусы и лингвистический эксперимент.

2.1. Корпусы текстов

Полезность корпусных данных для лингвистических исследований сейчас уже не требует доказательств. Я ограничусь одним простым примером, показывающим, какие новые знания, полезные и теоретически, и практически, можно извлечь из корпусов текстов.

В русской лексикографии, начиная с Академического словаря 1847, слова *ноль* и *нуль* трактуются как совершенно равноправные варианты, причем до СУш 1934-1940 основным вариантом считался *нуль*, а в этом словаре и после него – *ноль*.

Более тонко они описаны в Орфоэпическом словаре 1989, где предлагается следующее распределение по формам: в форме ИМ *ноль* нейтрален, а *нуль* считается его допустимым, но устаревшим вариантом. Обычно говорят *один – ноль в нашу пользу*, а не *один – нуль в нашу пользу*, *У нас – ноль градусов*, а не *нуль градусов* и т.п. Напротив, во всех косвенных падежах нейтрален *нуль*, а *ноль* считается его допустимым вариантом. Обычно говорят *равный нулю*, а не *равный нолю*, *начинать с нуля*, а не *начинать с ноля*.

В Зализняк 2003 замечены еще три важные детали распределения: а) в математическом значении обычен вариант *ноль*; б) в прочих значениях в формах ИМ ЕД и ВИН ЕД употребляется преимущественно вариант *ноль*; в) все остальные формы образуются преимущественно от варианта *нуль*.

Эти наблюдения тем более поразительны, что сделаны в до-корпусную эпоху, исключительно на основании выдающейся языковой и лингвистической интуиции автора словаря³. Однако обращение к текстам позволяет внести и в эту картину еще два уточнения. С одной стороны, даже в математических текстах в названиях дробей в формах ИМ и ВИН предпочитается вариант *ноль*: *ноль целых две десятых*, а не *нуль целых две десятых*. Здесь форма (винительный падеж) оказывается сильнее, чем значение. С другой стороны, вариант *нуль* является показателем не только математического, но и любого другого специального дискурса, т.е. тяготеет к закреплению в роли термина. Соответственно он предпочитается также в тех случаях, в которых имеет место метафорическое переосмысление первоначально терминологических сочетаний или образов; ср. *абсолютный нуль*, *В итоге полный <абсолютный> нуль*; *Вместо плюса нуль – у нас минус нуль* (Е. Замятин, Мы); *Типичная нуль-транспортровка* (А. и Б. Стругацкие, Попытка к бегству); *При некоторой температуре Тс, называемой точкой Кюри, <...> намагниченность точно обращается в нуль* (Упсальский корпус).

Таким образом, в современном русском языке сложились новые правила употребления вариантов *ноль* и *нуль*, пока еще не описанные ни в каких нормативных источниках. Они имеют прямое отношение к формированию навыков правильной русской речи и поэтому в каком-то виде должны быть включены в АС русского языка.

2.2. Лингвистический эксперимент

Хочу сказать два слова и в защиту лингвистического эксперимента. Он был в большой чести у теоретиков в эпоху господства структурализма, часто в ущерб опоре на хорошие тексты, но сейчас, когда нам стали доступны громадные языковые материалы корпусов, он стал вызывать скепсис у поклонников корпусной лингвистики. Между тем в текстах встречаются употребления, явным образом противоречащие сложившейся языковой норме. Чтобы отличить такие употребления от реально скрытых в языке возможностей, часто бывает необходимо прибегнуть к лингвистическому эксперименту и сопровождающему его объяснительному инструментарию.

³ Приведем весьма яркие данные поисковой системы GOOGLE по формам множественного числа, подтверждающие наблюдения А.А. Зализняка: ИМ и ВИН: *ноли* – 56 000 употреблений, *нули* – 943 000 употреблений; РОД: *нолей* – 27 700 употреблений, *нулей* – 357 000 употреблений; ДАТ: *нолям* – 643 употреблений, *нулям* – 122 000 употреблений; ТВОР: *нолями* – 23 500 употреблений, *нулями* – 270 000 употреблений; ПР: *нолях* – 1880 употреблений, *нулях* – 48 000 употреблений. Полезно обратить внимание на то, что, несмотря на огромное числовое превосходство *нуля* над *нолем*, основным вариантом в современном русском языке остается *ноль*: представляющая форма существительного, т.е. ИМ ЕД, оказывается более сильным фактором, чем употребительность.

О проекте активного словаря (АС) русского языка

В качестве примера я сначала рассмотрю лексическую единицу *в бытность*, которая стала предметом специального исследования в работе В.С. Храковского, посвященной таксису⁴. Среди сделанных автором наблюдений было следующее: в корпусе, которым он пользовался, эта единица встретилась 107 раз в контексте местоимений первого лица (*в мою <нашу> бытность*), 83 раза в контексте местоимений третьего лица (*в его <ее, их> бытность*) и только 6 раз в контексте местоимений второго лица (*в твою <вашу> бытность*). В.С. Храковский эти предпочтения в способах заполнения первой валентности единицы *в бытность* зафиксировал, но не дал им объяснения. Между тем объяснение возможно. Дело в том, что эта единица стилистически маркирована как нарративная и книжная. Она звучит вполне естественно в рассказе о событиях своей собственной жизни или жизни третьих лиц. Однако в контекстах типа *В твою <в вашу> бытность председателем правления порядка было больше* возникает небольшой, но заметный конфликт между нарративностью, повествовательностью самой единицы и диалогичностью высказывания. Хотя, таким образом, в текстах есть употребления типа *В твою <вашу> бытность*⁵, их следует квалифицировать, с учетом сказанного, как слегка отклоняющиеся от нормы.

Итак, наличие каких-то фактов в текстах еще не является свидетельством того, что они являются и фактами языка и, тем самым, подлежат включению в нормативные грамматики и словари (а активный словарь не может не быть нормативным). Необходим эксперимент, использующий непосредственную языковую интуицию говорящих по поводу того, что правильно, а что неправильно в языке, результаты которого должны быть объяснены с точки зрения современной лингвистической теории. Только после этого принимается окончательное решение о статусе данного явления в языке и о том, надо ли его включать в словарь, и если да, то с какой пометой.

Рассмотрим еще одну ситуацию, характерную для работы лексикографа и тоже требующую обращения к эксперименту и технике лингвистических объяснений. Возьмем группу глаголов а) *бахвалиться, хвалиться, хвастаться* и б) *рисоваться, форсить, щеголять* в близких значениях 'сообщать кому-л. о своих достоинствах, сильно их преувеличивая', 'вести себя так, чтобы произвести на кого-то впечатление своими достоинствами' (уточненный пример из работы Апресян 1992). У всех этих глаголов, по данным современных словарей русского языка, имеется свойство управлять существительным в форме ТВОР: *бахвалиться <хвалиться, хвастаться> своими успехами, рисоваться <форсить, щеголять> своей силой*. В ряде словарей (например, в МАСе) отмечается, кроме того, способность глаголов *хвалиться* и *хвастаться* управлять предложно-именной группой *перед кем-л.*: *хвалиться <хвастаться> перед кем-л. своими успехами*. Однако ни МАС, ни БАС, ни другие авторитетные толковые словари русского языка не содержат аналогичных указаний относительно глаголов *бахвалиться, рисоваться, форсить* и *щеголять*. Возникает вопрос, является ли это принципиальным фактом, отражающим закономерность языка, или случайным обстоятельством, возникшим вследствие отсутствия таких примеров в словарных картотеках.

Обращение к современным корпусам дает приблизительно одинаковую картину для всех этих глаголов. По данным текстов, все они способны к двойному управлению типа *бахвалиться <хвалиться, хвастаться> кем-л. перед кем-л., рисоваться <форсить, щеголять> кем-л. перед кем-л.*

Чтобы понять, в какой мере можно доверять конфликтующим данным авторитетных словарей и корпусов, следует обратиться к языковой интуиции говорящих (т.е. в конечном счете к эксперименту) и попытаться найти в языке обоснование для нее.

Как будто нет оснований сомневаться в том, что в данном случае, в отличие от рассмотренного выше, правы тексты: обе группы словосочетаний с точки зрения носителя языка вполне правильны. Можно предложить и семантическое объяснение этой интуиции.

Из приведенных выше толкований следует, что глаголы первой группы обозначают разновидности сообщения о своих достоинствах, а глаголы второй группы – разновидности демонстрации своих достоинств. Но сообщение и демонстрация предполагают Аудиторию (слушателей или зрителей), для которых они предназначены. Именно эту роль реализует форма *перед кем-л.*

Толкования дают основание для постулирования еще некоторых управляющих свойств глаголов первой группы. *Бахвалиться, хвалиться* и *хвастаться* суть речевые акты, а речевые акты предполагают, во-первых, Содержание сообщения, которое может выражаться придаточным предложением с союзом *что*, и, во-вторых, Адресата, который обычно выражается именной группой в форме ДАТ. Такие группы легко подставляется в словосочетания со всеми тремя глаголами. Ср. *Он бахвалился <хвалился, хвастался> мне, что может одним ударом свалить быка*. Обоиими этими свойствами они отличаются от глаголов поведения *рисоваться, форсить* и *щеголять*. Надо сказать, что эти два свойства, легко устанавливаемые в эксперименте, в толковых словарях сов-

⁴ Мои соображения основаны на материалах доклада «Нестандартный таксис: анализ конструкций с грамматической единицей *в бытность*», прочитанного В.С. Храковским 19 октября 2007 г. на Семинаре по теоретической семантике в ИППИ РАН.

⁵ В GOOGLE'е их обнаружилось около 600 000 – против 6 569 000 с местоимениями первого и третьего лица (учитывались пре- и постпозиция местоимения относительно существительного).

ременного русского языка либо вовсе не отмечаются, либо отмечаются крайне непоследовательно.

3. Теоретические результаты

Что касается теоретических результатов, то для АС особенно важны следующие четыре области лингвистической теории: а) семантика – теория толкований и правила взаимодействия значений; б) синтаксис – трехуровневая теория управления и аппарат для описания невалентных синтаксических свойств лексем; в) сочетаемость – обновленная теория лексических функций; г) просодия, где лексикографический интерес представляют факты лексикализации фразовых акцентов и их связь с коммуникативной организацией высказывания.

3.1. Семантика в АС

3.1.1. Толкования

К толкованиям, помимо общенаучных требований системности, полноты, неизбыточности и нетавтологичности, в АС предъявляются еще два требования. Во-первых, толкования должны быть доступны для непрофессионала. Во-вторых, они должны обладать объяснительной силой, например, объяснять допустимость одних словосочетаний и недопустимость других. Поясню эти требования на примере основных значений глаголов *войти* (в комнату) и *выйти* (из комнаты).

Толкования этих лексем в традиционных словарях выглядят следующим образом: *войти* = ‘идя, двигаясь, проникнуть куда-л., в пределы чего-л.’, *выйти* = ‘уйти откуда-л., оставить пределы чего-л.’, причем *уйти* в свою очередь толкуется как ‘покинуть какое-л. место, чье-л. общество; удалиться, отправиться куда-л.’.

Эти толкования, бесспорно, доступны для непрофессионала, но никакому другому из перечисленных выше естественных требований они не удовлетворяют. В частности, они не объясняют, почему по-русски можно сказать *войти в дом с улицы*, *войти в комнату из холла*, а **войти из дома на улицу*, **войти из комнаты в холл* – нельзя; почему можно сказать *выйти из дома на улицу*, *выйти из комнаты в холл*, а **выйти в дом с улицы*, **выйти в комнату из холла* нельзя.

Дело в том, что глаголы *войти* и *выйти*, как и другие глаголы перемещения с приставками *в-* и *вы-* (а это – большой системный класс) накладывают определенные ограничения на пространства, где кто-то находился до начала перемещения и после него. Глаголы с приставкой *в-* обозначают перемещение в более замкнутое, а глаголы с приставкой *вы-* – перемещение в более открытое пространство. Уточненные таким образом толкования вполне объясняют, почему фразы *войти в дом с улицы* и *выйти из дома на улицу* воспринимаются носителями языка как правильные, а фразы **войти из дома на улицу* или **выйти в дом с улицы* – как неправильные.

3.1.2. Семантические правила

Перейду к правилам. Интересные семантические особенности имеют краткие формы некоторых параметрических прилагательных, прежде всего прилагательных линейного размера. Это слова *высокий* – *низкий*, *глубокий* – *мелкий*, *длинный* – *короткий*, *широкий* – *узкий*, а также о прилагательные «общего размера» *большой* и *маленький*. Назову две их особенности; обе были коротко описаны в [Апресян 1974: 93, 214].

Во-первых, прилагательные со значением большого полюса в контексте вопросительных слов *как* и *насколько* утрачивают присущий им в других конструкциях семантический компонент ‘больше нормы’ и становятся обозначениями всей шкалы соответствующего линейного измерения, т. е. семантическими эквивалентами слов *высота*, *длина*, *ширина*, *глубина* и т. п. Ср. вопросы типа *Насколько высок забор в этом месте?* ≈ *Какова высота забора в этом месте?*, *Насколько <как> длинны каналы Марса?* ≈ *Какова длина каналов Марса?*, *Насколько широк <глубок> ручей в нижнем течении?* ≈ *Какова ширина <глубина> ручья в нижнем течении?* Кстати, точно так же ведут себя и некоторые наречия со значением большого полюса, например, наречие *часто*: *Насколько часто вы чувствуете себя виноватым*, *Как часто вы думаете о сексе* (вопросы из психологических тестов).

Во-вторых, большинство параметрических прилагательных со значением линейного размера, включая и прилагательные малого полюса, равно как и оба прилагательных «общего размера» в краткой форме претерпевают семантический сдвиг вида ‘больше нормы Р’ ⇒ ‘слишком большой по Р’. Если в первом случае словарное толкование лексемы теряет некий компонент, то во втором случае оно приобретает новый компонент. Ср. *Забор высок <низок>*, *Кровать широка (сюда не встанет)*, *Протока узка <мелка> (на катере не пройдешь)*, *Лестница низка (до крыши не достанет)*, *Леска тонка (на крупную рыбу не годится)*, *Юбка коротка <длинна>*, *Ботинки малы <велики>*, *Мешки тяжелы (один человек не справится)* и т.п. Прилагательные других семантических классов сохраняют свои обычные значения и в краткой форме; ср. *Он красив <умен, добр, талантлив>*, *Замысел его глубок, но трудно осуществим*, *Он прочен, мой азиатский дом*.

Этот сдвиг характерен для кратких форм при обычном порядке слов и вне контекста интенсификаторов. В

О проекте активного словаря (АС) русского языка

положении перед подлежащим или при наличии интенсификатора краткие формы сохраняют свое словарное значение. Так обстоит дело в предложениях типа *Широка страна моя родная, Велика Россия, а отступать некуда, Мал золотник, да дорог, Иван очень высок*.

На основе этих и других подобных фактов было введено понятие употребления, которое стало основным инструментом описания семантических модификаций прототипического значения лексемы. Особым употреблением данного лексического значения называется такой сдвиг в его словарном толковании, который в строго верифицируемых контекстуальных условиях происходит всегда и поэтому может быть получен с помощью стопроцентно справедливого семантического правила.

3.2. Синтаксис в АС

3.2.1. Трехуровневая теория управления

Главным инструментом описания управляющих свойств предикатных лексем в АС является модель управления (МУ) – лексикографический конструкт, введенный в теории «Смысл ↔ Текст» И.А. Мельчука. С помощью МУ описываются попарные соответствия между объектами следующих трех уровней: семантического, глубинно-синтаксического и поверхностно-синтаксического.

Отправной точкой для построения МУ любого предиката служит аналитическое толкование, позволяющее установить число его семантических актантов. Оно равно числу используемых в толковании переменных A1, A2, ... An, а это число, в свою очередь, определяется составом обязательных участников ситуации, описываемой этим предикатом. Например, в ситуации, описываемой глаголом *прибивать / прибить* в его основном значении, участвуют пять объектов: 1) тот, кто прибивает (A1, Агенс), 2) то, что прибивается (A2, Пациенс), 3) то, к чему прибивается (A3, Пациенс / Место), 4) то, с помощью чего прибивается (A4, инструмент), 5) то, чем прибивается (A5, средство)⁶. Толкование: ‘Человек A1 прикрепил предмет A2 к предмету A3 ударами молотка A4 по гвоздю или гвоздям A5’ [в функции гвоздей и молотка могут использоваться и другие подобные им предметы].

Управление усматривается только в том случае, когда семантические актанты предиката реализуются словами или группами слов, которые подчиняются ему и синтаксически. В соответствии с этим нетривиальная часть модели управления (МУ) глагола *прибивать / прибить* будет выглядеть следующим образом:

A2, ВИН: *прибивать дощечку* <планку, каблук, подметку, половицу>;

A3.1, к ДАТ: *прибивать к стене* <к полу, к доске объявлений, к двери>;

A3.2, на ВИН: *прибить на дверь (табличку)* [A3 обычно вертикально ориентирован];⁷

A4, ТВОР: *прибивать топориком* <сапожным молотком>;

A5, ТВОР: *прибивать оцинкованными гвоздями*.

Однако только аналитическим толкованием дело не ограничивается. В Апресян 2006 я попытался показать, что в сложных случаях бывает необходимо выйти за пределы этого традиционного инструментария модели «Смысл ↔ Текст» и использовать более общие соображения, связанные с устройством семантической системы языка в целом, в особенности с семантическими классами и подклассами фундаментальной классификации предикатов.

Один из таких сложных вопросов – вопрос об упорядочении актантов: почему актанту Инструмент в МУ *прибивать* приписан более высокий ранг, чем актанту Средство, а актанту Пациенс / Место – более высокий ранг, чем актанту Инструмент?

Самый общий ответ состоит в том, что в системе языка ранг актанта Ai, имеющего семантическую роль R, определяется числом предикатов, у которых он есть: чем больше число таких предикатов, тем выше ранг Ai. Рассмотрим с этой точки зрения конкуренцию «Инструмент – Средство».

Глагол *прибивать / прибить* входит в класс пятиместных предикатов с приставкой *при-*, обозначающих действия, для выполнения которых нужны Инструменты и Средства: *прибить, привинтить, приклепать, приколотить, приметать, припаять, пристегать (подкладку), пристрочить, притачать (голенище), пришить*. По объему с этим классом сравним семантически близкий класс четырехместных предикатов с приставкой *при-*, у

⁶ Пояснения о семантических ролях. Сдвоенная роль Пациенс / Место приписывается такому участнику ситуации, который является местом, изменяющим в ходе действия или процесса свое состояние или свойства. У глагола *привить (ветку к яблоне)* есть актант с такой ролью [яблоня в результате прививки изменяет свои свойства], а у глаголов *пригнуть (ветку к земле), придвинуть (стул к шкафу), прижать (руку к груди), прикинуть (к земле), прислонить <приставить> (лестницу к дереву)* так же оформленный актант выполняет семантическую роль Конечной точки [земля, шкаф и т.п. не меняют ни состояния, ни свойств]. Средство – роль такого вспомогательного объекта, который расходуется в процессе выполнения действия (гвозди, нитки, зубная паста, пули, стрелы и т.п.), а Инструмент – роль такого вспомогательного объекта, который не расходуется (молоток, иглолка, зубная щетка, пистолет, лук и т.п.).

⁷ **Прибить табличку на стол* звучит существенно хуже, чем *прибить табличку на дверь*.

которых есть актант со значением Средства, но нет актанта со значением Инструмента: *привязать, приклеить, приковать (себя наручниками к перилам), приколоть, прилепить, прикрутить, приметать, примотать, пристегнуть, прицепить, пришиллить*. Сравнимого класса глаголов с приставкой *при-*, у которых был бы актант Инструмент без актанта Средство, мы не знаем. Таким образом, в пределах этого класса Средство как будто получает преимущество перед Инструментом.

Картина радикально меняется, как только мы выходим за пределы класса глаголов с приставкой *при-*: класс четырехместных предикатов с актантом Инструмент оказывается в четыре-пять раз больше сравнимого по объему класса предикатов с актантом Средство.

Возьмем, например, корневые глаголы, обозначающие конструктивные физические действия, для выполнения которых необходимы инструменты с острым краем или концом. Вот неполный список глаголов этого класса: *брить, бурить, долбить, колоть, копать, косить, пилить, резать, рубить, рыть, сверлить, скоблить, стричь, строгать, тесать, точить*. К ним по разным признакам близки еще два глагола – *бить* и *колотить*.

От большинства этих глаголов с помощью приставок *в-, вы-, за-, от- <ото->, про-, с- <со->* и, может быть, еще некоторых образуется от одного до шести производных четырехместных предикатов со следующей актантной структурой: Агенс, Пациенс, Пациенс / Место, Инструмент. Ср. *вбить (что, во что, чем), выбить (что, из чего, чем), забить (что, во что, чем), отбить (что, от чего, чем), пробить (что, в чем, чем), сбить (что, с чего, чем); выбрить (что, на чем, чем), пробрить (что, в чем, чем), сбрить (что, с чего, чем); вкопать (что, во что, чем), выкопать (что, из чего, чем), закопать (что, во что, чем), откопать (что, из чего, чем), прокопать (что, в чем, чем); выпилить (что, из чего, чем), отпилить (что, от чего, чем), пропилить (что, в чем, чем), спилить (что, с чего, чем); врезать (что, во что, чем), вырезать (что, из чего, чем), вырезать (что, на чем, чем), отрезать (что, от чего, чем), прорезать (что, в чем, чем), срезать (что, с чего, чем); вырубить (что, из чего, чем), вырубить (что, на чем, чем), отрубить (что, от чего, чем), прорубить (что, в чем, чем), срубить (что, с чего, чем); врыть (что, во что, чем), вырыть (что, из чего, чем), зарыть (что, во что, чем), отрыть (что, из чего, чем), прорыть (что, в чем, чем); высверлить (что, в чем, чем), просверлить (что, в чем, чем), рас- сверлить (что, в чем, чем); выскоблить (что, на чем, чем), отскоблить (что, от чего, чем), проскоблить (что, в чем, чем), соскоблить (что, с чего, чем); и т.п.*

С учетом этого и других подобных соображений не остается сомнений в том, что глаголов с актантом Инструмент действительно намного больше, чем глаголов с актантом Средство, и что, следовательно, Инструмент имеет более высокий ранг в системе русского языка, чем Средство.

3.2.2. Невалящие свойства лексем

Помимо МУ в АС лексикографируется ряд невалящих синтаксических свойств лексем, определяющих их способность / неспособность участвовать в конструкциях широко понимаемого «малого синтаксиса». Конструкции малого синтаксиса по численности намного превосходят стандартные синтаксические конструкции языка, относительно редко встречаются в текстах и часто имеют лексически ограниченные области действия. Между тем владение ими придает речи ценное свойство идиоматичности. Приведу два примера.

Первый пример – экзистенциальные глаголы русского языка типа *бывать, быть, водиться, возникнуть, выйти, дуть, завестись, иметься, кипеть, найтись, получиться, произойти, случиться, страстись, существовать* и т.п. Значение такого глагола, как правило, целиком включено в значение подлежащего или является его прагматической импликацией. Иными словами, собственный семантический вклад глагола в значение предложения ничтожен. Поэтому ремой становится подлежащее: именно оно содержит максимум новой информации. В результате в нейтральных утвердительных предложениях прямой порядок подлежащего и сказуемого меняется на обратный. Ср. *В наших лесах водятся змеи, Возникли осложнения, Вышла <получилась> крупная неприятность, Дул сильный ветер, В доме завелись тараканы, На этот счет имеются новые данные, Кипят страсти, Нашлись дураки, которые этому поверили, Произошла утечка газа <перестрелка>, Случилось непредвиденное, С караульным потряслась беда, Существуют идеалисты, которые верят в конечное торжество добра* и т.п. Между тем для отрицательных предложений в нейтральном контексте характерен, по понятной причине, прямой порядок подлежащего и сказуемого. Ср. *Олени у нас никогда не водились, Осложнений не возникло*.⁸

В АС это свойство экзистенциальных глаголов единообразно, но с учетом их индивидуальных особенностей, описывается в их словарных статьях.

Второй пример – конструкция с существительным в форме ТВОР в функции обстоятельства способа, в которой существительное обозначает часть целого. Она систематически описывается в АС в словарных статьях

⁸ Мы отвлекаемся от многих тонкостей, связанных с темо-рематическим членением высказываний, в частности, от того обстоятельства, что при определенности (известности) именной группы в позиции подлежащего восстанавливается прямой порядок слов; ср. *Раз уж такая беда потряслась с солдатом, государство обязано оплатить его лечение в любой клинике мира*. Для нас существенно лишь то, что в указанном аспекте экзистенциальные глаголы русского языка отличаются от подлинных предикатов.

О проекте активного словаря (АС) русского языка

двух групп русских глаголов, для которых она характерна.

В первую группу входят глаголы положения в пространстве, в том числе начинательные и каузативные, в их основных значениях: *висеть (головой вниз)*, *лежать (головой к двери)*, *сидеть (боком к сцене)*, *стоять (спиной к окну)*; *ложиться (головой к двери)*, *садиться (боком к сцене)*, *становиться (спиной к окну)*; *класть (головой к двери)*, *сажать (спиной к окну)*, *ставить (спиной к окну)*. К ним близки глаголы типа *высовываться <торчать> (кормой из воды)*, тоже в основных значениях, и выражение *выносить (ногами вперед)*.

Во вторую группу входят глаголы пространственной ориентации типа *выходить <смотреть> (окнами в сад)*, обычно в переносных значениях. Для них возможны трансформации вида *Дом выходит окнами в сад – Окна дома выходят в сад*, тоже фиксируемые в АС.

Обе указанные обстоятельственные конструкции следует отличать от близких по смыслу валентных конструкций с глаголами, обозначающими контакт, начало контакта или возможность контакта между двумя предметами: *доставать рукой до потолка*, *касаться рукой платья*, *опираться рукой на трость*, *прислониться спиной к двери*, *упереться лбом в стекло* и т.п., в которых существительные со значением части тела являются не только синтаксическими, но и семантическими актантами глаголов.

3.3. Сочетаемость в АС

Для активного словаря первостепенный интерес представляет, как уже было сказано выше, не вполне свободная сочетаемость слов. Ее изучение было поставлено на твердую основу в теории лексических функций (ЛФ) И.А. Мельчука; см. Мельчук 1974. Главный тезис этой теории состоит в том, что в языках мира можно выделить несколько десятков значений высокого уровня абстракции, каждое из которых выражается большим классом слов. При этом выбор конкретного слова L для выражения данного значения целиком зависит от того слова X, с которым оно сочетается. Он, тем самым, семантически не мотивирован, лексически связан, идиоматичен. Яркий пример – ЛФ MAGN = ‘большая степень того, что названо ключевым словом’. Мы говорим *крошечная тьма* и *мертвая тишина*, но не **мертвая тьма*, **крошечная тишина*; можно сказать *крепко спать* и *твердо знать*, но не **крепко знать* и **твердо спать*.

На самом деле в первых работах по ЛФ степень их идиоматичности была сильно переоценена. Главным результатом позднейших работ явился вывод, что выбор конкретного слова L на роль значения данной ЛФ от данного ключевого слова X мотивирован, хотя и не на сто процентов, каким-то общим смысловым компонентом в лексических значениях L и X (см. Апресян 2004, с дальнейшей библиографией). Наличие такого компонента объясняется общими законами семантического согласования, которое, как и всякое другое согласование в естественном языке, состоит в повторении какого-то простого элемента в составе сочетающихся слов. Это и позволяет в какой-то мере предсказывать как набор ЛФ-коллокатов для достаточно больших классов слов-аргументов, так и конкретные способы их выражения.

Посмотрим для начала на глагольную сочетаемость слова *контроль*. Вот его основные ЛФ из самого большого глагольного семейства, а именно OPER-LABOR-FUNC, включая сложные ЛФ с добавлением системных смыслов ‘начало’, ‘прекращение’, ‘каузация’ и ‘ликвидация’: *быть <находиться> под контролем*, *подвергаться контролю*, *держат кого-л. под контролем*, *подвергать что-л. контролю*, *попадать под контроль*, *выходить из-под контроля*, *ставить что-л. под контроль*, *выводить что-л. из-под контроля*.

Теперь уясним, что в значение слова *контроль* входит представление об иерархии отношений между двумя людьми или группами людей и о том, что субъект, занимающий более высокое положение в этой иерархии, может диктовать свою волю другому. В этом отношении слову *контроль* близки слова а) *власть*, *влияние* и б) *надзор*, *наблюдение*. Тогда, если верна гипотеза о семантическом согласовании ЛФ-глагола X с его аргументом L, естественно ожидать, что по крайней мере некоторые из этих лексически связанных глаголов будут сочетаться, помимо слова *контроль*, и с другими упомянутыми существительными. Эта гипотеза вполне оправдывается. Ср. *быть <находиться> под властью <под влиянием>*, *держат кого-л. под своей властью <под своим влиянием>*, *попадать под власть <под влияние>*, *выходить из-под власти <из-под влияния>*, *выводить кого-л. из-под власти <из-под влияния>*; *быть <находиться> под надзором <под наблюдением>*, *держат кого-л. под надзором <под наблюдением>*, *попадать под надзор <под наблюдение>*.

Иными словами, зная семантические классы ключевых слов и универсальный набор ЛФ, мы можем формировать правильные лексикографические ожидания даже по поводу не вполне свободной сочетаемости слов. Подчеркну, что сам формальный аппарат ЛФ при этом остается за кадром; он используется только для направленного сбора материала и системного представления сочетаемости слов в АС.

3.4. Лексикализованная просодия в АС

Факты такого рода попали в поле зрения лингвистов еще в конце 80-х годов прошлого века и с тех пор изучались весьма интенсивно. В этом материале тоже были обнаружены некоторые закономерности, которые я проиллюстрирую на примере глаголов *выглядеть* и *послышаться*.

Для глагола *выглядеть* прототипическим является значение впечатления, т. е. такого образа мира, в истинности которого субъект восприятия не уверен. Ср. *Он выглядел уставшим*. Та же лексема может в определенных условиях обозначать либо факт (сдвиг в сторону объективного *быть*), либо элемент мнимого мира (сдвиг в сторону обманного *мерещиться*).

Сдвиг в сторону объективности обычно происходит во фразово безударной тематической позиции, особенно в контексте «объективных» указательных наречий *иначе, так, следующим образом* и т.п., которые берут на себя функцию ремы. Ср. *В Новой газете сообщение об этом событии выглядело иначе* [т.е. было иным]. Сдвиг в сторону мнимости возникает у *выглядеть* в рематической позиции, в частности, под логическим (контрастным) фразовым ударением. Ср. *Она только ⁴⁴выглядит здоровой, на самом деле она очень больной человек*.

Аналогичные сдвиги представлены на материале глагола *послышаться*,⁹ с той разницей, что различия между значениями факта (*Послышалось цоканье копыт*), впечатления (*Ей послышалось, как будто в мастерской что-то тихо пробежало*) и мнимости (*– Мне послышалось, – сказал кот*) выражены гораздо более четко, так что в этом случае можно говорить о трех обособившихся лексемах. Подчеркну, что лексема *послышаться* 3, обозначающая кусочек мнимого мира, как и глагол *выглядеть* в том же значении, всегда несет главное фразовое ударение и, следовательно, рематична.

Иными словами, зная семантические классы ключевых слов и общие закономерности фразовой просодии, мы можем формировать правильные лексикографические ожидания по поводу акцентных выделений слов во фразе.

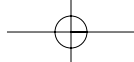
Заключение

Итак, задуман АС русского языка, учитывающий последние результаты лингвистической теории и одновременно обращенный к широкому кругу носителей языка, не имеющих специального лингвистического образования. Такой словарь должен, по замыслу, выполнять сразу две функции: а) быть компонентом полного научного описания русского языка; б) служить лексикографическим справочником активного типа. В первой ипостаси он может стать объектом разнообразных теоретических исследований. Во второй ипостаси он будет способствовать полноценному практическому овладению русским языком.

Список литературы

1. Академический словарь 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии наук. СПб, 1847.
2. Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
3. Апресян 1992 – Ю.Д. Апресян. Экспериментальная, прикладная и теоретическая лингвистика: обратные связи // Festschrift für Viktor Jul'evič Rozenzvejg. Zum 80. Geburtstag. Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 33. Wien, 1992, ss. 5-27.
4. Апресян 2003 – Ю.Д. Апресян. Системность лексики: семантические парадигмы и семантические альтернативы // Etudes linguistiques romano-slaves offertes à Stanisław Karolak. Cracovie, 2003, ss. 35-47.
5. Апресян 2004 – Ю.Д. Апресян. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // ВЯ, 2004, № 4, 3-18.
6. Апресян 2006 – Ю.Д. Апресян. Глагольное управление revisited // Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu. Pod redakcją I. Bobrowskiego i Krystyny Kowalik. Kraków, 2006. С. 41-63.
7. Денисов, Морковкин 1978 – П.Н. Денисов, В.В. Морковкин. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1978.
8. Зализняк 2003 – А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 2003 (первое издание 1977 г.).
9. Мельчук 1974 – И.А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл Û Текст». М., 1974.
10. Мельчук, Жолковский 1984 – И.А. Мельчук и А.К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.

⁹ Впервые он был описан (независимо) в Апресян 2003: 43-44 и Падучева 2004: 200 и сл., 407.

О проекте активного словаря (АС) русского языка

11. Орфоэпический словарь 1989 – Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы, изд. 5-е, испр. и доп., М., 1989.
12. Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
13. СОШ – С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
14. СУШ – Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д.Н. Ушакова. Тт. I – IV. М., 1934 – 1940.
15. Longman 2003 – Longman Dictionary of Contemporary English. 15-th ed. 2003.
16. Macmillan 2002 – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Oxford, 2002.
17. Oxford 2003 – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 6-th edition. Oxford, 2003.

